

ПЕРВАЯ ЖЕРТВА

ПРАВИЛА ОХОТЫ

Охота открыта для любого человека, достигшего восемнадцати лет, независимо от пола, расы или религии.

Каждый записавшийся обязуется пройти цикл из десяти дуэлей: пять раз как жертва, пять как охотник.

Охотник получает имя, адрес и фото жертвы.

Жертву уведомляют только о том, что на нее охотятся.

Заменять охотника или жертву другим лицом запрещается.

Убийство посторонних лиц карается по закону.

Десятикратный победитель получает практически неограниченные гражданские, финансовые, политические и сексуальные права.

ПРОЛОГ

Охота, впервые организованная в начале 1990-х, прошла с тех пор целый ряд стадий.

В ее основе лежит милая человеческому сердцу идея: исправление чего-то плохого с помощью узаконенного насилия.

В те первые годы каждый хотел быть охотником и никто — жертвой. Социальные и психологические бонусы для жертв ввели позже, в промежуточный период, когда пары охотник—жертва начали составлять компьютеры методом случайного выбора.

Ввиду недостаточного числа добровольцев Ассоциация Охотников выбирала первые жертвы из групп, так или иначе причастных к насилию. В основном это были отряды смерти и террористические ячейки разного толка, то есть агрессоры, сами практически не подвергавшиеся агрессии.

Поэтому Охотничий Комитет не считал тогда нужным предупреждать жертву заранее, как стало принято после.

Это противоречило этике Охоты, но Ассоциация вопреки собственным убеждениям вынуждена была искать «мотивированных киллеров», способных довести дело до конца.

Таковыми и были все тогдашние охотники. Мало кто в то время признавал чистоту Охоты, ее суровую этику. Понадобился целый век, чтобы придать Охоте окончательную

эстетическую форму и выработать правила, где личные мотивы не фигурировали.

Лишь теперь мы видим, каким трудным был этот путь. Видим, как зарождались современные взгляды, видим стремление к идеальной чистоте, видим, как сознательное намерение убивать, чтобы не быть убитым, определило наше место в великом колесе всего сущего. Даже тогда, на заре Охоты, ее основные принципы были уже в ходу: например, выплата премий из фондов, учрежденных богатыми либералами, или использование егерей для нахождения охотника или жертвы. Комитет старался вести себя по возможности беспристрастно даже в те ранние дни «справедливых убийств».

Тогда уже обозначилась долгосрочная цель Охоты: прекратить войны, предложив человечеству взамен смертельные поединки как панацею от всех его бед. Теперь война представляется нам столь же немислимой, какой казалась Охота в 1990-х.

В промежуточный период, во время кратковременного расцвета Эсмеральды, только что принятые новые правила были еще достаточно гибкими. Объясняется это тем, что Охота была тогда легализована исключительно в карибской островной республике Эсмеральда, где она не только являлась национальным видом спорта, но и приносила основной доход государству. Туристы стекались на остров со всего света — кто поохотиться, кто просто понаблюдать. Международная аудитория жадно смотрела знаменитые Охотничьи Игры с кульминационной Большой Раздачей, получая удовольствие от гибели кого-то другого.

Охотникам того времени приходилось мириться с тем, что Охоту одобряли не все. Большинство населения она в какой-то степени привлекала, но силы закона и правопорядка не признавали ее и преследовали участников. Полиция многих стран относилась к охотникам как к обычным преступникам.

Теперь, по прошествии веков, мы заново открыли способ держать человеческие страсти в узде — способ, издревле известный природе. Она делает это, убивая людей.

В литературе двадцатого и двадцать первого веков часто встречаются одинокие, несчастные персонажи, влачащие свою бессмысленную жизнь до глубокой старости. В наше время их больше нет: старики долго не заживаются. Им не хватает сил и проворства увернуться от выстрелов, поливающих наши улицы подобно былому дождю.

Дети, напротив, быстро учатся избегать огня.

Никто больше не вопрошает: «Когда же прекратятся эти убийства?» Все понимают, что прекратятся они, только когда остановится сама жизнь.

На сентябрьском собрании жители Кин-Вэлли в штате Нью-Йорк постановили выдать Гарольду Эрдману лучший городской револьвер, винтажный «смит-и-вессон» сорок четвертого калибра, чтобы он мог поохотиться на острове Эсмеральда.

Выбрали Гарольда потому, что он вызвался сам, не имел близких родственников, был холост, здоров, хорошо умел драться и готов был выполнить свою часть сделки, то есть передать городу пятьдесят процентов призовых денег — если, конечно, выживет.

Сначала ему предстояло доехать до Майами, то автостопом, то на автобусах. У него еле-еле хватало, чтобы долететь оттуда до Эсмеральды в юго-восточной части Багамских островов, где разрешалась Охота. Поездка между штатами Нью-Йорк и Флорида считалась крайне опасной. Говорили, что там повсюду рыщут шайки бандитов, жестоких и кровожадных. Кроме того, на пути встречаются заброшенные районы с промышленными свалками, до сих пор изрыгающими ядовитые газы, как будто сама земля стремится очиститься от химикатов и радиации. Такое излучение убивает человека на месте. А если благополучно минуешь все эти ужасы, остаются еще южные города, чьи совершенно озверевшие обитатели грабят, убивают, а порой и едят пришлых.

Ходило много таких баек, в которых, как известно, всегда присутствует доля правды, но Гарольда они не

слишком пугали. Он готов был многим рискнуть, лишь бы выбраться из умирающего городишки в напрочь отравленных Адирондакских горах и хоть что-то совершить в своей жизни. Единственным его шансом была Охота.

Гарольд двигался легко для своих внушительных габаритов и был проворнее, чем казалось с виду. Этаким дружелюбный деревенский паренек, круглолицый, с приветливой улыбкой и все подмечающими глазами. Физиономия небритая, давно не стриженные черные волосы падают на воротник поношенной клетчатой куртки. Перед отъездом ему исполнилось двадцать восемь, и больше всего он походил на медведя, разбуженного до окончания спячки — большого, сонного и довольно симпатичного. Хороший пример того, как обманчива может быть внешность.

2

— Значит, едешь все-таки, — сказал Аллан.

Гарольд кивнул. Разговор происходил через час после городского собрания; они вместе поели и теперь сидели на передней веранде дома Аллана на Еловом Холме. Солнце понемногу опускалось за горы.

Аллан, лучший друг Гарольда, тоже хотел бы отправиться на Охоту, но не мог бросить мать и двух младших сестер — без единственного кормильца они бы просто не выжили. Хорошо Гарольду, у него никого из родных не осталось. Мать умерла от туберкулеза, когда ему было пятнадцать, а молчаливый суровый отец вскоре после этого ушел искать работу на юге, и больше о нем не слышали.

— Говорят, на Карибах тепло круглый год, — сказал Аллан. — И все удобства у них там, как в тех старых журналах в школе. Ванне с горячей и холодной водой. В ресторанах все натуральное. Люди хорошо одеваются и живут припеваючи.

— Потому что у них только и дел — убивать друг дружку, — заметил Гарольд.

— Да, не очень трудно, должно быть.

— Не знаю, я никого пока что не убивал, — сказал Гарольд. — Но думаю, что сумею.

— Главное, чтоб тебя самого не убили.

— Слышал, да.

— И Нору там встретишь.

Гарольд кивнул. Нора Олбрайт и еще четыре девушки уехали из Кин-Вэлли два года назад, когда между Монреалем и Нью-Йорком еще ходили автобусы с остановкой в Платсберге. Красивым девушкам всегда легче найти работу, пусть и не очень престижную, чем мужчинам. Богатые иностранцы, особенно азиаты, любят нанимать в домработницы хорошеньких американок, как американцы когда-то нанимали хорошеньких англичанок и немок. Спутницы Нору устроились где-то на юге Штатов, но она добралась до самой Эсмеральды, живущей по законам Охоты, и регулярно присылала деньги домой.

— Ты там береги себя, ладно? — сказал Аллан.

— Ага.

— И передавай Норе привет от меня.

— Обязательно.

Они посидели еще немного, глядя, как заходит солнце, уступая место холодным сумеркам. Красивы вечера в Адирондакских горах. Гарольду подумалось, что он, может быть, никогда больше не увидит такого заката. Многие увидит, но не такой.

3

Он покинул Кин-Вэлли на следующий день, имея при себе «смит-и-вессон», тридцать четыре патрона и двести семьдесят шесть долларов семьдесят три цента, собранные ему земляками. Был еще только сентябрь, но зимний холодок уже чувствовался: на севере штата Нью-Йорк зима идет за осенью по пятам, как за сестрой-двойняшкой.

Все пожитки Гарольда уместились в небольшом рюкзаке. Револьвер он заткнул за пояс, патроны положил в правый брючный карман. В дорогу он надел свой един-

ственный костюм из плотной, практически вечной саржи — наследство от дядюшки Люка, умершего прошлой весной от Т-вируса.

Взглянув в последний раз на горы, озаренные утренним солнцем, на не засохшие пока что деревья, он закинул рюкзак в кабину грузовика Джо Биллинга. Он еще вечером попрощался со всеми и больше назад не оглядывался.

Джо ехал в Глен-Фоллз за тракторными запчастями для кооператива фермеров. Держать старые «маккормики» на ходу становилось все трудней, а урожаи были такими скудными, что позволяли и без тракторов обойтись — но лошадей и мулов тоже хронически не хватало, а недавно приобретенные яки еще не расплодились до нужной величины.

Человеческая близорукость в конце двадцать первого века дала о себе знать и в Америке. Леса исчезли, зерновые гнили на корню. Сельскую местность заполнили свалки токсичных отходов, на месте которых почва больше не восстанавливалась. Воздух и тот был отравлен. Всеобщее разорение лишало людей работы. Машины и механизмы для их ремонта выходили из строя, да и ремонтировать больше никому ничего не хотелось.

Холодная война никуда не делась, и одни страны потрясали перед другими оружием, но всем было уже все равно. Хоть бы скинули уже свои проклятые бомбы и покончили с этим, думали люди. Лучше уж сдохнуть поскорей, чем так жить. Конец пришел старушке Земле.

Зря леса и джунгли повыврубили. Зря не приняли вовремя мер против кислотных дождей. Гарольд в свои двадцать восемь еще помнил Адирондакские горы зелеными. Лет пятьдесят назад правительство спохватилось, но экология требовала огромных средств, которых у него не было. Земля может вынести многое, но человек перешел все мыслимые границы.

В пустошах на месте прежних лесов почти не осталось животных. Первой погибла крупная дичь, как в Америке,